КОЛОДА БЕЗ КОЗЫРЕЙ

ЛУЦИШИН ЕГОР

КОЛОДА БЕЗ КОЗЫРЕЙ

роман

ЛУЦИШИН ЕГОР

СЛОВО АВТОРА

Меня зовут Луцишин Егор.

То, что вы прочитаете дальше, может кому-то показаться близким, а кому-то нет. Я написал это просто так — без какой-то глубокой писательской истории, опыта или попыток следовать правилам литературоведения. Я сделал это потому, что захотел поделиться своей точкой зрения.

Я намеренно использовал мат и писал максимально просто — ровно в таком стиле, который хотел бы читать сам.

Луцишин Егор, автор

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие от автора

Глава 1. Отправная точка

Глава 2. Кодекс улиц

Глава 3. Первое предательство

Глава 4. Авантюрист

Глава 5. Искушение

Глава 6. Путь работяги

Глава 7. Международный опыт

Глава 8. Золотая клетка

Глава 9. Падение

Глава 10. Круг замкнулся

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ АВТОРА

Салам алейкум.

Прежде чем ты откроешь первую главу — слушай сюда, один раз, потом повторять не буду.

Это не книга по саморазвитию. Здесь нет пяти шагов к успеху, нет мотивационной хуйни про «встань в пять утра и полюби себя». Здесь нет вывода в конце. Здесь нет морали, которую я тебе разжую и положу в рот, как мамка кашу.

Есть три пацана. Есть городок, каких по стране раскидано тысячи: с ржавыми гаражами, с разбитыми качелями во дворе, с одним ларьком у школы, где берут в долг до получки. Есть их пути. И есть то, что каждый из них получил в итоге.

Я не собираюсь тебе рассказывать, кто из них молодец, а кто нет. Это не мне решать. И не тебе, если честно, со стороны. Решать может только тот, кто идёт этим путём сам, своими ногами, и потом сам расхлёбывает, что там впереди: деньги, тюрьма, семья или пустота.

Самое хуёвое, что можно сделать в своей жизни, — слушать чужие советы. Запомни это. Чужой совет — для чужой жизни. Не для твоей. Даже если тебе кажется, что вот этот человек прошёл огонь и воду, добился, знает — он знает про свою колею. У тебя своя. Другое время, другой город, другие карты на руках. И знаешь, в чём главная подстава? В этой колоде нет козырей. Никто не зайдёт с вечным тузом, который бьёт всё. Всем приходится играть тем, что пришло, и решать, как эти карты класть на стол.

Единственный, кто может дать тебе верный совет, — это ты сам. Завтрашний ты. Больше никто.

Эта книга не про конкретных людей. Она про качества, про типажи, про итоги, которые вытекают из решений. Всё, что здесь написано, — выдумка, сплетённая из того, что я видел своими глазами и слышал от тех, кто был рядом. Совпадения с реальными людьми — на вашей совести, не на моей.

Не будет вывода. Не будет главы «чему нас учит эта история». Прочитал — сделал выводы сам. Не смог — значит, рано тебе ещё, отложи, вернёшься через пару лет.

Одно скажу: однолинейных сюжетов не бывает. Не бывает так, что всё время только чернуха, и не бывает так, что всё время только фарт. Идёт полосами. Твоя задача — не спрыгнуть посреди полосы, а досмотреть, чем она закончится, и жить с этим дальше.

Реальность нужно принимать такой, какая она есть. Не убегать в бутылку, не убегать в порошок, не убегать в чужую голову, которая тебе якобы всё объяснит лучше твоей собственной. Принял, смирился, пошёл дальше своей дорогой.

Всё. Погнали.

ГЛАВА 1. ОТПРАВНАЯ ТОЧКА

Городок был из тех, где на карте точка размером с муху, а на деле три улицы прямых, одна кривая, элеватор на въезде и запах не то силоса, не то мазута, который не выветривался никогда, круглый год, будто въелся в асфальт вместе с трещинами.

Спортивная площадка возле девятой школы была такая: две ржавые скамейки, турник, на котором давно перекладина скрипела при каждом подходе, и баскетбольное кольцо без сетки — сетку сорвали ещё год назад, никто не помнил кто, все валили друг на друга.

Вот на этой площадке в конце августа, когда воздух ещё держал дневное тепло, но по вечерам уже тянуло сыростью с озера, стояли трое.

Первому — жилистому, вечно взъерошенному, с царапиной на скуле от вчерашней драки за гараж — было десять с половиной. Он никогда не сидел на месте, будто в нём внутри работал моторчик, который никто не мог заглушить. Звали его так, что не важно как, — пусть будет Санёк.

Второй стоял чуть в сторонке, руки в карманах олимпийки, глаза цепкие, будто уже в этом возрасте прикидывал, сколько чего стоит и как это можно обернуть в свою пользу. Тихий, но не робкий — тихий, потому что слушал больше, чем говорил. Пусть будет Димон.

Третий был крупнее остальных, широкий в плечах не по годам — видно, что вырастет в мужика, на которого можно опереться, буквально, физически опереться. Он не лез в разговор первым, но если лез — то по делу. Пусть будет Серый.

Три разных пацана. Три разных набора карт, которые им сдала жизнь ещё до того, как они научились в них разбираться.

— Ну чё, — сказал Санёк, сплёвывая сквозь зубы, как видел у старших пацанов во дворе. — Пацаны, вы как хотите, а я щас на крышу гаражей полезу. Там с прошлой недели ещё петарды остались, спрятал.

— Спалишься, — буркнул Димон, не глядя на него, глядя куда-то мимо, на дорогу.

— Да не спалюсь. Батя твой на смене, мамка моя телек смотрит, а твоя, Серый, вообще спит уже наверное.

Серый пожал плечами. Он редко спорил — просто делал, если решил, или молчал, если не решил.

Пошли втроём. Гаражи стояли рядом со стадионом, ровным рядом, крашеные в один и тот же выцветший синий, который местами облез до ржавого металла. Забрались по приставной лестнице, которую какой-то мужик забыл прислонённой к стене ещё с весны. Она скрипела под ногами, но держала.

На крыше было пыльно и жарко от нагретого за день железа. Санёк достал из тайника под куском асфальта пачку петард и две петарды покрупнее, спрятанные ещё с Нового года.

— Погнали, — сказал он, и в глазах у него был тот самый азарт, из-за которого потом,

годы спустя, он полезет туда, куда нормальный человек даже не посмотрит дважды.

Чиркнули спичкой. Первая петарда хлопнула коротко, эхом отозвалась между гаражами. Вторая громче. А потом Санёк, не спросив никого, поджёг петарду и швырнул её не вверх, а вбок, в сторону улицы, чисто на азарте, чтобы посмотреть, как она полетит.

Петарда ушла с шипением, чиркнула искрами в темнеющем небе и врезалась прямо в фонарь у остановки. Стекло брызнуло вниз с сухим звоном. Лампочка внутри мигнула и погасла.

Секунда тишины. Потом смех. Дикий, истерический — тот смех, которым смеются пацаны, когда страшно и весело одновременно.

— Ахуеть, — прошептал Димон, и это было редкое для него слово: материться при взрослых он не любил, а тут вырвалось само.

— Вали, вали, вали! — заорал Санёк, и все трое скатились с крыши по той же скрипучей лестнице, чуть не сломав себе шеи, и бежали через дворы, через кусты сирени, обдирая колени, пока не остановились у озера, задыхаясь, с колотящимся сердцем.

Сидели на берегу, отдышивались. Вода была чёрная, только у берега отражала последний свет неба, какой-то грязно-оранжевый, закатный. Пахло тиной и дымом чьего-то костра с той стороны озера.

— Фонарь теперь до весны не починят, — сказал Серый, глядя на воду.

— И похуй, — отозвался Санёк. Хотя в голосе у него была нотка не страха, а чего-то среднего между гордостью за содеянное и лёгким холодком в животе: он понимал, что сделал то, что нельзя было делать.

Помолчали. Потом Димон, вроде бы ни с того ни с сего, протянул кулак вперёд:

— Пацаны. Друзья навеки. Чё бы ни было.

Санёк тут же приложил свой кулак. Серый чуть медленнее, будто взвешивал, но тоже приложил.

— Навеки, — повторил он.

Никто из троих тогда не знал, что жизнь распорядится иначе. Что «навеки» в устах десятилетнего пацана — не клятва, а просто слова, брошенные в воздух летнего вечера, которые развеются вместе с дымом петард. Что пройдёт больше двадцати лет, прежде чем они снова сядут за один стол, и это будут уже совсем другие люди, с другими шрамами, другими карманами, другими глазами.

Но в тот момент, на берегу вонючего озера провинциального городка, с разбитым фонарём где-то позади и запахом пороха на пальцах, они были одинаковыми. Три одинаковых пацана с одним и тем же будущим впереди — размытым, ещё не расписанным.

Колода была одна на всех. Раздача только начиналась.

Домой Санёк пришёл поздно, получил подзатыльник от отца — не за фонарь, отец про фонарь ещё не знал, а просто за то, что шлялся до темна. Димон соврал матери, что был у Серого - делал уроки. Серый вообще ничего не сказал — просто лёг спать, глядя в потолок, и думал о том, как громко хлопнула петарда и как красиво посыпалось стекло. Про этот вечер он будет вспоминать потом, спустя годы, чаще, чем про многое другое: не потому что было что-то особенное, а потому что это было последнее лето, когда все трое были просто пацанами, без ярлыков, без историй, которые ещё не начались.

ГЛАВА 2. КОДЕКС УЛИЦ

Есть вещи, которым не учат в школе. Кодекс двора передаётся не через учебник, а через собственные ошибки, через молчание, которое иногда стоит дороже любого крика.

Первое правило этого кодекса Димон усвоил в двенадцать, когда Санёк доверил ему пачку сигарет.

Дело было так: Санёк спёр у отца начатую пачку «Явы» — тот курил вонючие, дешёвые, покупал блоками на рынке. Спёр не для себя, для форса, хотел показать пацанам постарше, что не пальцем деланный. Но нести домой к себе боялся: отец пересчитывал сигареты в пачке, привычка у него такая была, армейская, дотошная.

— Спрячь у себя, — сказал он Димону. — На пару дней всего. Потом заберу.

Димон взял. Не потому что сам хотел курить — в двенадцать он ещё не пробовал, брезговал даже, если честно, — а потому что не взять означало прослыть ссыклом. А ссыклом быть хуже, чем вором.

Спрятал пачку в старой коробке из-под ботинок на полке, между зимними шапками, куда мать точно не полезет в июле.

Мать полезла. Не специально искала — просто решила перебрать вещи, готовясь к переезду мебели в квартире. Нашла коробку, а в ней начатую пачку сигарет, восемь штук из двадцати.

Скандал был знатный. Отец не бил — просто орал так, что соседи через стенку слышали каждое слово, и ремень держал в руке, не пуская в ход, просто как аргумент. Спрашивали: чьи? Откуда? С кем куришь?

Димон стоял, опустив голову, и молчал. Мог сдать Санька в один момент — это разрулило бы всё, отец бы понял, что не его сын курит, просто хранит чужое. Но не сдал. Стоял и слушал, как его называют то будущим алкашом, то позором семьи, то ещё чем похуже, и молчал.

Неделю его не выпускали гулять. Ещё месяц отец смотрел на него с прищуром, проверял карманы иногда, между делом, будто невзначай.

Санёк про это узнал только через год, случайно, от третьих лиц. Пришёл, неуклюже извинился — не словами, а тем, что притащил Димону какую-то мелочь, кассету с игрой, которую тот давно хотел. Про то, что взял на себя чужую вину, Димон никогда ему не пенял. Просто это осталось в нём — и стало частью того самого кодекса. Молчать. Не сдавать. Даже если больно, даже если несправедливо.

Второй урок этого кодекса пацаны выучили все втроём, той же осенью, когда заблудились в лесу за элеватором.

Лес был не страшный, обычный, посадка вдоль поля, но пацаны в нём никогда толком не были — знали только тропинку до речки, а дальше не совались. В тот день Санёк предложил срезать через лес до соседнего села, где, по слухам, кто-то из

старших пацанов держал самодельный тир из воздушек — интересно было посмотреть.

Срезали. Тропинку потеряли где-то через полчаса, когда деревья стали гуще, а солнце начало клониться вниз сквозь листву, отбрасывая длинные полосы света и тени, которые путали направление ещё больше.

— Заблудились, — констатировал Димон, останавливаясь, и в голосе у него была нервозность человека, который вдруг понял, что контроль над ситуацией потерян. Ему нужно было домой — мать наказала быть к шести, у неё была смена, и он должен был присмотреть за младшей сестрой.

— Да похер, — отмахнулся Санёк, но глаза у него тоже забегали, хотя вслух признаваться в этом он бы не стал никогда. — Найдём выход, тут не тайга.

Пошли наугад, ориентируясь на звук — где-то вдалеке лаяла собака, значит, там жильё. Шли минут пятнадцать, продираясь сквозь кусты, обдирая руки о ветки, и вдруг Серый, который шёл первым, резко остановился и вскинул руку — стоп.

Впереди, на небольшой поляне, стояли двое мужиков с ружьями. Один разделывал что-то на земле — судя по силуэту, косулю, — второй курил, облокотившись на ствол дерева, и матерился в телефон, объясняя кому-то дорогу.

Браконьеры. Даже в двенадцать лет пацаны понимали: увидеть такое — не самое безопасное дело. Мужики с ружьями, которые режут добытую вне сезона дичь, не любят свидетелей, а уж тем более малолетних, которые могут разболтать в школе или, того хуже, родителям.

Все трое одновременно, не сговариваясь, присели в кустах. Санёк зажал себе рот ладонью, чтобы не выдать дыхание. Димон вцепился в рукав Серого, будто это могло его защитить. Серый просто замер — неподвижно, будто врос в землю.

Просидели так минут двадцать, пока мужики не собрали добычу и не ушли в другую сторону, к дороге, где, судя по звуку, у них стояла машина. Только когда рёв мотора стих вдалеке, пацаны выдохнули.

— Валим отсюда, — прошептал Санёк, и на этот раз в его голосе не было привычной бравады.

Выбрались из леса они только часа через четыре, вымотанные, исцарапанные, голодные. Ещё пару часов слонялись по знакомым уже улицам, приводя себя в порядок, стряхивая репьи и грязь, придумывая, что скажут дома.

Дома было, разумеется, всем троим не сладко. Ругань, вопросы, где были, почему поздно. Но ни один не сказал ни слова про лес, про браконьеров, про заблудились. Придумали что-то про то, что играли в дальнем дворе, потеряли счёт времени.

Тайну о браконьерах они хранили годами. Не потому что боялись мести — вряд ли те мужики их вообще запомнили, — а потому что это стало их, только их историей. Первым по-настоящему общим секретом, который связал троих крепче, чем клятва на кулаках у озера.

Кодекс улиц не пишется на бумаге. Он впечатывается в память через страх, через молчание, через готовность взять на себя чужую вину и никогда не пожалеть об этом вслух. Все трое усвоили его одинаково хорошо в те годы. Вопрос был лишь в том, кто из них останется ему верен, когда ставки станут выше, чем пачка сигарет или лесная тайна.

ГЛАВА 3. ПЕРВОЕ ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Городок кормился как мог. Кто на заводе, кто на элеваторе, кто мотался вахтой в область. А пацаны школьного возраста, у которых карманных денег хватало разве что на семечки и мороженое, находили себе занятие попроще — металлолом.

Схема была нехитрая: по заброшкам, по бесхозным гаражам, по территории старой котельной, которую забросили ещё в девяностых, собирали всё, что можно было сдать. Трубы отопления, куски арматуры, цветмет — если повезёт найти обрывок кабеля или старый чайник. Сдавали женщине по прозвищу Клавдия, которая держала пункт приёма на окраине, никогда не спрашивала документы и платила сразу, наличкой, без вопросов.

Компания сложилась стихийная — человек шесть-семь, разного возраста, от одиннадцати до четырнадцати. Санёк, Димон и Серый крутились в ней тоже, хотя и не были её ядром — так, на подхвате, иногда с ними ходил ещё один пацан, тощий, вечно сопливый, звали его для всех просто Хорёк, потому что вертлявый был, как хорёк, и глаза бегали так же.

Однажды по осени залезли впятером на территорию старой котельной — там, по слухам, оставались целые пролёты труб, которые давно никто не охранял. Разобрали, что смогли, унесли на себе, кто сколько мог утащить — трубы тяжёлые, руки потом гудели неделю.

Сдали Клавдии. Заработали кто по двести, кто по триста рублей — по меркам городка деньги приличные, для пацана вообще праздник. Купили сладостей, кто-то новую жвачку, кто-то заныкал на потом.

Но Клавдия, как оказалось, тоже не дура была. Металл, который они принесли, оказался с той самой котельной, которую формально числили на балансе города, а хозяйка территории — точнее, женщина, которая присматривала за объектом по договору, — быстро вычислила пропажу и подняла шум. Начали разбираться, кто носил, откуда носили.

И вот здесь всплыл Хорёк.

Когда участковый, а следом и та самая хозяйка, стали прижимать компанию — не жёстко, но с явным намерением докопаться до правды, — Хорёк раскололся первым. Не под пытками, не под давлением особым — просто испугался, что ему что-то будет, и сдал всех. Имена, фамилии, кто сколько носил, кто куда сдавал. Слил всю компанию, как последняя падла.

Взяли всех на заметку. В отделение никого не забрали — малолетки всё же, — но родителей вызвали, каждому пришлось выплатить компенсацию за металл, причём в тройном размере: порча имущества плюс моральный ущерб, как объяснила хозяйка территории. Санёк потом полгода был лишён карманных денег, отрабатывал долг тем, что помогал отцу на огороде и по хозяйству без всякой оплаты.

Самое обидное было не в деньгах. Обидно было то, что случилось потом.

Хорька, по логике вещей, должны были вычеркнуть из компании раз и навсегда. Кинуть кентов на деньги — да ладно бы просто кинуть, а сдать их же, своих же, с потрохами, — это по любому кодексу, писаному или неписаному, смертный грех. Пара пацанов из компании действительно перестали с ним общаться вообще — при встрече отворачивались, будто не видят.

Но остальные продолжили здороваться. Не по-дружески уже, конечно — сухо, нехотя, через силу, но здоровались. Кто-то даже иногда болтал с ним о пустяках, будто ничего не было. Санёк потом объяснял это так:

— Ну а чё, он же тут живёт. Куда деваться. Городок маленький, все на виду.

Димон эту логику не принимал никогда. Для него это было простым и понятным: предал — вычеркнут. Никакого второго шанса не полагается. Но вслух он этого сильно не разглашал — просто держался от Хорька подальше, и точка.

Серый вообще не разговаривал об этом. Просто, если Хорёк оказывался рядом, разворачивался и уходил в другую сторону. Без слов, без объяснений. Ему объяснения были не нужны — для него всё было очевидно с первого раза.

Лицемерие окружения — вот как назвал бы это кто-то умный, с книжным словарным запасом. А по-простому это звучало так: люди легко прощают чужое предательство, если оно их лично не сильно задело. Улыбаются в лицо тому, кого месяц назад сами же называли крысой за глаза. Потому что жить в маленьком городке с постоянной войной тяжелее, чем жить с компромиссом.

Хорёк, к слову, так и остался в городке. Спустя годы держал небольшую автомойку на выезде, женился, детей завёл. Про историю с металлоломом никто уже не вспоминал вслух — она стёрлась под наслоением новых сплетен, новых предательств помельче и покрупнее. Но кто помнил — тот помнил. И при встрече с ним в глазах у некоторых до сих пор мелькала холодная, спокойная неприязнь, которая не проходит с годами, а просто перестаёт быть актуальной темой для разговора.

Это был первый урок, который каждый из троих усвоил по-своему. Санёк — что предателя можно простить, если жить с ним бок о бок всё равно придётся. Димон — что прощение не значит забвение, и держать дистанцию можно вечно, без скандала, просто на автомате. Серый — что есть вещи, объяснять которые не нужно никому, ни себе, ни другим. Есть просто «да» и «нет», и с этим можно жить всю жизнь.

ГЛАВА 4. АВАНТЮРИСТ

Санёк был из той породы пацанов, которым на месте не сидится физически. Организм будто требовал постоянной дозы адреналина, и если жизнь сама её не подкидывала, он лез добывать её сам, зачастую там, где вообще не стоило.

К четырнадцати он играл в футбол — по-настоящему хорошо играл, нападающий, тренер прочил перспективы, говорил, что если продолжит пахать, может и в область пробиться, а там кто знает. Пять лет тренировок, ранние подъёмы, разбитые колени на асфальтовом поле школьного стадиона, потому что нормального газона в городке не было и в помине.

А потом травма. Обычная бытовая история: побежал за мячом на тренировке, подвернул колено на неровности поля, связки не выдержали. Врач в области сказал коротко: про футбол профессионально забудь, можно доиграть себе в дворовом формате, но нагрузки уже не те.

Другой бы сломался. Санёк не сломался — просто перекинул всю ту же дурную энергию на другое. Раз бегать нельзя, будем подтягиваться. Пошёл на турники — те самые ржавые турники на площадке, где всё когда-то и начиналось, — и стал заниматься остервенело, каждый день. Подкачался за год так, что из жилистого пацана превратился в крепкого, спортивного парня, на которого девчонки в классе стали засматриваться иначе.

Но энергия требовала выхода не только через мышцы. Требовала выхлопа через выходки, через то самое «а слабо».

История с боулингом случилась лет так в 17, когда компания — уже другая, постарше, из тех, с кем Санёк тусовался после школы, — поехала в область, в единственный на весь район боулинг-клуб. Отмечали чей-то день рождения, взяли пива с запасом, хотя половина ещё была несовершеннолетняя, но в те годы на такое смотрели сквозь пальцы.

К середине вечера все были уже прилично навеселе. Санёк, разгорячённый и пивом, и общим весельем, решил устроить шоу. Забрался по пожарной лестнице на техническую крышу здания боулинга — туда, куда посторонним нельзя было ни при каких обстоятельствах, — и, стоя там, на самом краю, на потеху немногочисленным зрителям внизу, стянул штаны и устроил представление, которое потом ещё долго обсуждали в городке шёпотом и с ухмылками.

Кто-то заснять не успел, повезло, но сарафанное радио в маленьком городке работает быстрее любого интернета. К понедельнику половина школы знала в деталях. Кто-то ржал, кто-то демонстративно отворачивался, а родители некоторых девчонок из его класса и вовсе запретили дочерям общаться с этим «фриком».

Санёк на реакцию людей отвечал так, как отвечал всегда, — пожимал плечами и говорил, что тем, кому неинтересно, необязательно смотреть. Внутри, конечно, немного жгло от того, что часть компании реально отвернулась после этого случая, но виду он не подавал никогда.

Была ещё история — уже помрачнее, с драмой внутри, которая проявила в нём то, что потом будет проявляться снова и снова: способность идти напролом, не считаясь ни с чем, если задета его гордость или его правда.

На выезде из городка, там, где заканчивался частный сектор и начинались гаражи, обитал бомж по прозвищу Дед — хотя дедом он был скорее по виду, а не по возрасту, спитой и потрёпанный жизнью мужик лет пятидесяти, который развёлся с женой много лет назад, потерял в этом разводе всё — квартиру, машину, — и остался только с одним предметом, который ему было жалко больше всего. С гитарой.

Дед клялся, что гитара стоит десять тысяч евро — какая-то якобы редкая модель, привезённая ещё в советские годы кем-то из родственников из-за границы. Верить в эту цифру, конечно, никто особо не верил — по виду инструмент был потрёпанный, лак местами облез, но звучал он, надо признать, неплохо, и Дед действительно умел на нём играть — какие-то старые дворовые песни, что-то из тех времён, когда он ещё сам был молодым.

Санёк с Дедом периодически пересекался — тот тусовался у гаражей, где иногда собиралась их компания уже подросшая, курила, пила пиво, слушала музыку с колонки. Дед не был им врагом, скорее забавным элементом пейзажа — то попросит закурить, то расскажет байку из своей прошлой жизни.

Конфликт вспыхнул на почве, казалось бы, совсем далёкой от металлолома и котельных, — на почве веры. Дед, как оказалось, после всех своих потерь ударился в религию, носил на груди самодельный крестик из проволоки и любил рассуждать о боге, о грехе, о том, что земная жизнь — это только испытание.

Санёк веры не признавал никакой. Считал это всё сказками для слабых, кто не может справиться с реальностью самостоятельно и ищет костыль в виде высшей силы. В тот вечер, разгорячённый спиртным, слово за слово, они сцепились: Дед начал говорить что-то про то, что Санёк плохо кончит, если не одумается и не начнёт бояться бога, а Санёк в ответ понёс такое, что даже привычная ко всему компания притихла.

Дошло до того, что Дед, оскорблённый до глубины души, схватил свою гитару, будто хотел ей ударить, — то ли защититься, то ли пригрозить. Санёк среагировал мгновенно, на автомате: выхватил гитару у него из рук и со всей злости, что накопилась за весь разговор, впечатал её об угол гаража.

Треск ломающегося дерева, лопнувшие струны, издавшие протяжный дребезжащий звон — и всё, инструмента больше не было. Дед взвыл так, будто у него оторвали часть тела, и бросился на Санька с кулаками.

Драка была короткой и однозначной. Годы турников и футбольной закалки сделали своё дело — Дед, пьяный и надломленный жизнью мужик, не имел никаких шансов против крепкого молодого парня. Санёк выиграл вчистую, без особых усилий, хотя после, отдышавшись, сам себе не мог до конца объяснить, зачем всё это сделал. Гитару-то было жалко потом, если по-честному. Даже если она реально стоила не десять тысяч евро, а от силы тысячу — всё равно это было единственное, что у мужика оставалось.

Дед про этот случай ещё долго рассказывал всем желающим, обрастая деталями, преувеличивая ущерб и собственное геройство в драке. Санёк не спорил, не оправдывался — просто держался от того угла гаражей подальше какое-то время, а потом всё как-то само собой забылось, как забывается в маленьком городке почти всё, что не касается денег напрямую.

Но самая поучительная история — та, что реально аукнулась ему по-взрослому, — случилась чуть раньше, когда была ещё та самая видеоигра, в которую тогда рубилась половина школы.

В игре ценились определённые аккаунты — прокачанные, с редкими предметами, купленными за реальные деньги. Санёк на пару с приятелем из соседнего класса решили провернуть нехитрую схему: развести на деньги дальнего знакомого, парня из другого города, с которым познакомились через игровой чат, обещав продать ему крутой аккаунт со скидкой.

Деньги — по меркам подростков приличные, несколько тысяч — взяли предоплатой на карту, аккаунт, само собой, не отдали, потом попросту заблокировали пострадавшего в чате и удалили переписку.

Казалось бы, дело закрыто, деньги в кармане, концы обрублены. Но Санёк с приятелем не учли одну важную деталь: обманутый парень знал их имена, фамилии, город — всё это всплывало в переписке ещё до того, как разговор зашёл о сделке. А ещё они не учли, кем был отец этого парня.

Отец, как оказалось, — из той самой породы людей, которые своё состояние сколотили в лихие девяностые, и слово «кидалово» воспринимал не так, как воспринимает его нынешнее поколение, привыкшее решать конфликты через жалобы в поддержку и гневные посты в соцсетях. Он воспринимал это как личное оскорбление и вопрос, который нужно решить лично, с глазу на глаз.

Приехали через неделю. Без предупреждения, без звонка. Просто постучали в дверь дома, где жил Санёк, — трое взрослых серьёзных мужиков, один из которых и был тем самым отцом.

Разговор был короткий и предельно доходчивый. Санькова мать плакала в голос, извинялась перед незваными гостями, отец, придя со смены, тоже держался с трудом, но извинялся, обещал всё компенсировать в тот же день. Деньги вернули с процентом, лишь бы дело замяли по-тихому, без привлечения полиции, без огласки.

Санёк в тот вечер, стоя в углу собственной комнаты, слушая через стенку, как унижается его мать перед чужими людьми из-за его же глупости, испытал что-то такое, чего не испытывал ни разу до этого. Не страх даже, а стыд такой плотности, что хотелось провалиться сквозь пол и не вылезать оттуда никогда.

С того дня он действительно завязал с любыми разводами и обманами. Не потому что испугался повторной расправы — хотя и это тоже, чего греха таить, — а потому что впервые увидел, каково это, когда за твои действия расплачиваются те, кто тебя любит. На собеседованиях потом, конечно, про эту историю никогда не упоминал, но кентам, если разговор заходил близко к этой теме, говорил прямо: было дело, было и

прошло, и больше никогда.

Отучился он после школы в аграрном университете, хотя по специальности так толком и не работал — банально не было в городке нормальной работы по профилю, а уезжать далеко не позволяли обстоятельства, привязанность к дому, к отношениям, которые тогда завязывались.

Дальше его дорога свернёт совсем в другую сторону — но об этом ещё расскажем, ближе к середине этой истории.

ГЛАВА 5. ИСКУШЕНИЕ

Димон всегда был другим. Не тихоней в смысле забитости — просто в нём с малых лет сидел калькулятор, который считал непрерывно, фоном, даже когда он вроде бы просто гонял с пацанами мяч или сидел на уроке физики.

Первый бизнес он замутил в двенадцать. Насмотрелся, как старшие ребята перепродают шмотки из секонд-хенда — привозят пачками, разбирают, толкают через объявления, — и решил повторить схему в миниатюре. Скинулся с карманных денег, съездил с матерью в область, где был большой секонд, набрал по дешёвке пару десятков вещей — футболки, куртки, даже пару кроссовок приличного вида, — и начал толкать через самодельные объявления, которые расклеивал на подъездах и постил в местной группе в соцсети.

Дело пошло — не бог весть как, но пошло. Даже собственный маленький интернет-магазинчик замутил, если это громкое слово применимо к страничке в соцсети с фотками разложенных на кровати вещей. Отправлял заказы по почте тем, кто был из соседних городков, — заворачивал в пакет, шёл на почту сам, экономя каждую копейку на упаковке.

За четыре месяца этой возни заработал — если вычесть все расходы — сущие копейки. Достаточно на новую игру и немного отложить, но не более того. И вот тут, весной, когда энтузиазм от первого бизнеса уже подугас, кто-то из старших знакомых — не из троицы, кто-то со стороны — подкинул ему тему, которая в те годы буквально витала в воздухе интернета: развод людей на предоплату. Мошенничество, проще говоря.

Схема была примитивной до безобразия: создаёшь страницу якобы магазина с товаром подешевле рынка, собираешь предоплаты, а после того как наберётся достаточная сумма — просто исчезаешь, блокируешь всех, удаляешь страницу.

Димон, если совсем откровенно, понимал прекрасно, что это плохо. Не в абстрактном смысле «плохо, потому что закон», а в конкретном: где-то есть живой человек, который перевёл деньги, ждёт посылку, а посылки не будет никогда. Понимал и всё равно попробовал. Один раз, просто чтобы проверить, работает ли схема вообще.

Схема сработала. Причём результат ошарашил его самого: за две недели он заработал в десять раз больше, чем за четыре месяца легальной возни с секонд-хендом. Как будто кто-то показал ему дверь в другую комнату, где деньги растут быстрее, если не церемониться с моралью.

Это ударило по нему сильнее, чем сама сумма денег. Осело где-то глубоко, начало ныть спустя время, как заноза.

После первого удачного развода он какое-то время не возвращался к теме — то ли совесть грызла, то ли просто занялся другими подростковыми делами. Но затишье было временным. Через несколько месяцев тема вернулась в его жизнь уже всерьёз, и на этот раз с головой.

Он начал изучать эту сферу системно. Не как разовый развод от скуки, а как

настоящую науку. Смотрел видео, лазил по форумам, где такие же, как он, обсуждали схемы, делились опытом, продавали и покупали базы данных, обучающие материалы, инструменты. За пару лет такого погружения он разобрался, кажется, во всём, что касалось темы, по крайней мере, на базовом уровне понимал любой вопрос, который мог возникнуть в этой сфере.

Первое, что он усвоил по-настоящему глубоко, — это принципы социальной инженерии. Не абстрактно, а как рабочий инструмент: на чём вообще держится любой развод. И ответ был всегда один и тот же, сколько бы схем он ни изучал: жадность и страх. Люди хотят получить что-то дешевле, чем оно стоит на самом деле, — это жадность. Или боятся что-то потерять — это страх. От этих двух точек отталкивалась вся индустрия, в которую он теперь погружался всё глубже.

Первую серьёзную попытку сделал с фейковым магазином часов. Брал фотографии реальных швейцарских брендов, выставлял цены заметно ниже рыночных — достаточно низкие, чтобы заинтересовать, но не настолько, чтобы вызвать подозрение у опытного покупателя, — и собирал предоплаты. Часть заказов даже честно отправлял, чтобы наработать репутацию и отзывы, часть просто присваивал.

Заработал он на этом какие-то деньги, но быстро понял: это не тот масштаб, о котором мечталось. Хотелось миллионы, а тут капало по чуть-чуть, с постоянным риском спалиться раньше, чем окупишь вложения в рекламу.

Пробовал разные направления — какие-то из них выгорали быстро, какие-то не взлетали вообще. И однажды судьба подкинула ему возможность, которая казалась совсем безобидной на входе, — работа в поддержке онлайн-казино. Нелегального, работающего под букмекерской вывеской, обслуживающего клиентов через мессенджеры и левые сайты, которые то и дело блокировали, а хозяева поднимали заново под новым доменом.

Проработал он там долго по подростковым меркам — почти два года, с девятнадцати до двадцати одного. Набрался опыта, обзавёлся связями с людьми, которые понимали в этой теневой кухне куда больше, чем сам Димон на тот момент. Заработал какой-то капитал — не огромный, но приличный для его возраста.

Первая мысль была — купить машину, показать себе и другим, что он чего-то добился. Но, поразмыслив, он решил, что автомобиль — это невыгодное вложение, деньги, вбитые в железо, которое только теряет в цене. Решил потратить капитал на то, чтобы выйти в свободное плавание, работать уже не на дядю, а на себя.

Идея, которую он реализовал следом, была изящной по-своему — если вообще уместно говорить об изяществе применительно к обману людей.

Он открыл фейковый интернет-магазин, торгующий запрещёнными веществами. Но схема была хитрее банального развода на предоплату — она держалась на доверии, которое строилось намеренно, постепенно, и от этого работала эффективнее любого разового обмана.

Суть была в том, что параллельно с фейковым магазином существовал реальный поставщик, с которым Димон договорился о посредничестве. В части сделок он выступал именно посредником: клиент делал заказ, Димон передавал его

настоящему продавцу, и клиент действительно получал товар — причём по цене ниже рыночной. Если реальная стоимость составляла, скажем, сто у. е., клиент платил восемьдесят — разницу в двадцать Димон компенсировал из своего кармана, работая себе в убыток на этом конкретном этапе.

Но убыток был инвестицией. Довольный клиент, получивший качественный товар по хорошей цене, естественным образом начинал рекомендовать эту точку своим знакомым — таким же людям с зависимостью, которые в этой среде общаются друг с другом плотно, делятся контактами проверенных продавцов. Постепенно вокруг фейкового магазина нарастал круг доверия, репутация, которую невозможно было бы купить никакой рекламой.

И вот когда этот круг разрастался достаточно широко, когда сразу несколько человек одновременно делали крупные заказы, полагаясь на репутацию, — магазин просто переставал отвечать. Предоплаты, которые в этот раз никуда, кроме кармана Димона, не уходили, оставались у него. Схема была построена так, чтобы бить максимально широко и максимально один раз — по всему кругу доверия сразу, в момент его наибольшей плотности.

На этой схеме он собрал приличное состояние. В своём небольшом городке он поднялся до уровня, о котором люди в возрасте тридцати пяти-сорока лет ещё мечтали годами. Купил себе автомобиль — подержанную, но всё же настоящую Audi TT, спортивное купе, которое выглядело роскошно на фоне убитых «Жигулей» и старых «Фольксвагенов», на которых ездило большинство местных.

Он смотрел на себя в зеркало заднего вида этой машины и видел человека, который сделал то, о чём другие только болтали. Не думал в тот момент о людях, которые остались без денег и без товара, доверившись репутации, которую он выстроил специально для того, чтобы их обмануть. Жадность и страх работали не только на его жертв — жадность работала и на него самого, заглушая всё остальное.

Это было только начало пути, который выведет его на вершину, а потом сбросит вниз. Но об этом позже, когда придёт время.

ГЛАВА 6. ПУТЬ РАБОТЯГИ

Про Серого рассказывать сложнее всего. Не потому что нечего рассказать, а потому что его история не цепляется за яркие эпизоды так, как истории двух других. У него не было полётов с крыш, не было разводов на миллионы, не было побега за границу с полтинником в кармане. Была просто жизнь, которая шла ровно, как хорошо сваренный шов — без пор, без брызг, без перегрева металла.

После школы он не сомневался долго, куда идти. Пошёл в училище на сварщика. Не потому что мечтал об этом с детства, а потому что руки у него всегда лежали к железу — ещё в школе на уроках труда он единственный из класса делал табуретки, которые реально можно было использовать, пока остальные лепили кривые поделки, лишь бы отвязался учитель.

Отучился, получил разряд. Работать начал сразу — сперва на местном заводике, потом, когда понял, что зарплата там курам на смех, начал ездить вахтой в более благополучные страны. Не всегда работал по специальности — бывало, что на вахте не было заказов на сварку, тогда шёл на склад, грузчиком, или на стройку, разнорабочим. Брался за всё, что предлагали, лишь бы не сидеть без дела и без денег.

Он никогда не выделялся ни особой харизмой, ни острым умом в разговорах, ни какими-то выдающимися талантами. Просто работал. Спокойно, методично, без надрыва, откладывал с каждой получки, сколько мог. Смотрел, как его ровесники

набирают кредиты на новые машины, влезают в ипотеки на квартиры, которые потом душат их годами, — и сам для себя решил: ипотеку брать не будет никогда. Хотел и квартиру, и машину — но так, чтобы своими деньгами, без долговой петли на шее.

Свою любовь он нашёл рано, ещё будучи совсем молодым. Она не была самой красивой девчонкой в округе, не была той, за кем толпой бегали местные парни. Но у неё была своя харизма — простая, тёплая. Такая же обычная, как он сам. Может, поэтому им и было легко вместе с самого начала — оба были простыми людьми, без завышенных ожиданий друг от друга.

Копил он несколько лет. Не одним рывком, а системно, вахта за вахтой, откладывая часть на квартиру, часть на будущий дом. Когда деньги позволили, начали строить дом — сами, своими руками, насколько это было возможно. Понятное дело, полностью без строителей не обошлось — какие-то работы требовали профессионалов, — но добрую половину всего дома они с женой сделали сами, буквально своими мозолями. Дом получился хороший, большой, двухэтажный, с крепким фундаментом, который стоял на совесть, а не на скорую руку.

Ещё немного подкопив, купил себе машину. Потом жене — что-то поскромнее, но своё, надёжное.

Параллельно он начал развивать личный бренд — если можно так назвать простую человеческую репутацию хорошего мастера в маленьком городе, где сарафанное радио работает лучше любой рекламы. К нему начали обращаться клиенты — сперва по мелочи, потом всё серьёзнее, забор сварить, ворота, потом уже и конструкции покрупнее, для чьих-то хозяйственных построек.

К сорока пяти годам он стал одним из уважаемых людей в своём городе. Не олигархом, не богачом в глянцевом смысле этого слова — но деньги у него были, и, что важнее, была репутация человека, которому можно доверять на все сто.

В его жизни не было ярких моментов, о которых можно было бы снять фильм. Курить он начинал в подростковом возрасте, как и все, но бросил довольно быстро, ещё до тридцати. Траву и любые другие вещества не пробовал вообще ни разу за всю жизнь — не из страха перед законом, а просто потому что не видел в этом смысла, а его спокойный, размеренный характер и без того давал ему нужное состояние без всякой химии.

У него не было драйва в том смысле, в каком его понимал Санёк, и не было азарта в том смысле, в каком его понимал Димон. Но в итоге у него получился крепкий бизнес по обработке металла, приносящий стабильный доход, любящая жена, дети, дом, построенный собственными руками. Для большинства людей в его городе он стал живым примером того, как можно достичь всего своим трудом, без авантюр, без обмана, без крайностей.

Был в его жизни момент, который стоит выделить отдельно — момент выбора, который у него, в отличие от многих, случился по-настоящему осознанно, а не под давлением обстоятельств.

Когда его бизнес уже встал на ноги, кто-то из знакомых, наслышанный про успехи

Димона в те годы, предложил Серому влиться в похожую схему — заняться перепродажей чего-то по завышенным обещаниям, каким-то мутным финансовым продуктом, который тогда только набирал обороты в их регионе. Обещали быстрые деньги, лёгкий вход, минимум усилий.

Серый отказался. Причём отказался не из страха перед законом — хотя и это, конечно, тоже держал в уме, — а из простого внутреннего убеждения, которое не требовало долгих раздумий. Он не мог себе представить, как будет смотреть в глаза людям, которых обманул. Не мог представить, как будет спать спокойно, зная, что чей-то долг, чья-то беда — это его прибыль.

Он был честным человеком в самом бытовом, приземлённом смысле этого слова. Никогда никого сознательно не обманывал. Даже мелкая ложь давалась ему тяжело — если жена готовила что-то невкусное, он всё равно говорил, что вкусно, потому что не хотел её расстраивать. Врал, да, но врал во благо, а не во вред. Это принципиальная разница, которую он чувствовал где-то на уровне инстинкта, а не логики.

Он умел быть добрым, преданным. За свою жизнь он не сильно менялся внутренне — оставался тем же спокойным, надёжным человеком, каким был в детстве, только с годами всё крепче стоял на ногах. Его часто пытались использовать — он был доверчивым, а доверчивых, как известно, любят использовать те, у кого совести поменьше. В молодости ему бывало по-настоящему больно, когда расставался с девушками до знакомства с будущей женой, потому что не все умели ценить искренность так, как ценил её он сам.

Было время, ещё в юности, когда он считал себя последним лохом. Тем, кому вечно достаётся не то, что он заслуживает, тем, кого используют и бросают. Это чувство, каким бы неприятным оно ни было, стало его двигателем. Оно заставляло его двигаться дальше, не оглядываясь на тренды, не смотря на то, как быстро поднимаются другие, а глядя внутрь себя — анализируя свои поступки, свои эмоции, свои ошибки.

Он был совестливым человеком. И, возможно, именно эта совестливость, эта постоянная внутренняя работа над собой и стали тем самым фундаментом, на котором он построил всё остальное — дом, семью, бизнес, репутацию. Не самый эффектный путь. Но самый прочный из всех трёх.

ГЛАВА 7. МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

Пока Серый заливал фундамент своего дома, а Димон отсчитывал первые крупные суммы от фейкового магазина, Санёк искал приключения там, где нормальный человек искать бы их не стал.

Вакансию он увидел случайно, на одном из форумов, куда забрёл в поисках заработка после очередной неудачной попытки осесть на месте. Требовался персонал для работы в одном из крупнейших казино на Ближнем Востоке, в оазисной зоне, куда стекались деньги со всего региона — от местных шейхов до туристов, которые приезжали специально ради азарта в местах, где азартные игры формально были под запретом, но для избранных заведений делалось исключение.

Условия звучали заманчиво — хорошая по местным меркам зарплата, проживание, перелёт компенсировался после первого отработанного месяца. Санёк, который к тому моменту уже перепробовал десяток работ в родном городе и области, не найдя нигде того самого драйва, которого жаждала его натура, недолго думая, собрал вещи и полетел.

Первое, что его встретило по прилёту, — жара, от которой перехватывало дыхание в первую же минуту на трапе самолёта. Воздух был плотный, горячий, пах пылью и чем-то незнакомым — то ли специями, то ли выхлопами дорогих машин, которых на улицах было в избытке.

Языка он не знал вообще — ни местного, ни английского на приличном уровне, максимум школьный набор фраз, который годился разве что для того, чтобы попросить воды. Никогда до этого он не был за границей — весь его опыт путешествий ограничивался поездками в соседнюю область на автобусе.

Первые недели были адом в чистом виде. Жил в общежитии для персонала — комната на четверых, с работниками из разных стран, каждый со своим ломаным английским, из-за чего общение напоминало игру в шарады. Работа в казино требовала быть на ногах по двенадцать часов, следить за порядком в игровых залах, иногда разруливать конфликты между подвыпившими игроками, которые не всегда были готовы принимать проигрыш спокойно.

Опасность там ощущалась не абстрактно, а вполне конкретно. Деньги в казино крутились такие, что охрана была серьёзная, но и контингент попадался разный — иногда в зал заходили люди, чьё поведение и связи явно намекали на криминальное прошлое, а то и настоящее. Один раз Санёк оказался невольным свидетелем разборки между двумя группами игроков, которая едва не переросла в поножовщину прямо на выходе из казино, — успел вовремя отступить в тень, наблюдая издалека, как охрана растаскивает разгорячённых мужчин.

Выживание без языка в чужой стране — отдельная наука, которую он осваивал методом проб и ошибок. Учился читать по лицам, по интонации, по жестам. Через пару месяцев уже сносно объяснялся на английском — не потому что специально сидел за учебниками, а потому что нужда заставила, а способности к быстрой адаптации у него всегда были в избытке.

Именно там, в этом чужом, жарком, опасном мире, он впервые вживую увидел людей другого масштаба — не тех, кто просто прожигает жизнь, а тех, кто строит на этих азартных играх целые системы заработка. Среди завсегдатаев казино попадались представители того самого мира финансовых пирамид и мутных криптопроектов, о которых Санёк раньше слышал только краем уха. Общался с ними урывками, слушал их истории, их манеру держаться — уверенную, немного надменную.

Тогда у него впервые загорелась мысль: а что, если не просто наблюдать со стороны, а войти в этот мир самому. Мысль, которая казалась просто фантазией залётного работника казино, спустя годы аукнется — не ему лично, но человеку, который был для него не чужим.

Проработал он в этой стране довольно долго, набираясь опыта, обрастая связями, которые потом не раз пригодятся в жизни — не всегда в хорошем смысле. Про этот период его жизни можно было бы написать отдельную книгу — настолько плотным на события он оказался. Но главное, что он вынес оттуда, — это не деньги, которых, к слову, накопил не так уж и много, а понимание того, что мир куда больше, куда опаснее и куда интереснее, чем горизонт его родного провинциального городка.

Была у него и другая авантюра, о которой он рассказывал друзьям с особенной гордостью, — путешествие в Японию с суммой в кармане, которой хватило бы разве что на пару дней скромной жизни в родном городе. Всего 150 зелёных на старте.

Увлечение Японией пришло к нему не случайно — он с юности был очарован

культурой якудза, их кодексом чести, дисциплиной, которую они демонстрировали внешне, хотя сам, если по-честному, до конца этого кодекса никогда не придерживался. Но идея добраться туда практически без денег засела в голове крепко, и он решил проверить себя.

Добирался автостопом через несколько стран, экономя буквально на всём, находя случайные подработки на день-два, которые давали копейку на еду и ночлег. Не проработал за всё путешествие ни одного полноценного дня официально — но благодаря связям, которые он умел заводить с людьми где угодно, находил самые дешёвые билеты, самые дешёвые маршруты, варианты, где можно было получить помощь, не работая напрямую.

Путешествие растянулось на восемь месяцев. Именно во время этой одиссеи он и познакомился с представителями той самой криптовалютной пирамиды, которая позже полностью изменит судьбу его старого друга Димона. Санёк тогда впервые всерьёз задумался о том, чтобы войти в эту схему сам, — но что-то удержало его, то ли лень системно во что-то вникать, то ли всё тот же кочевой азарт, который не давал усидеть на месте достаточно долго, чтобы построить что-то капитальное.

Он вернулся домой другим — обветренным, повидавшим, но так и не нашедшим той опоры, которую нашёл для себя Серый в своём сварочном деле. Драйв так и оставался его главным топливом, а деньги — лишь побочным продуктом этого драйва, который то появлялся, то так же легко утекал сквозь пальцы.

ГЛАВА 8. ЗОЛОТАЯ КЛЕТКА

Фейковый наркомагазин, при всей его прибыльности, оборвался внезапно и грубо. Сервис, через который Димон вёл всю переписку и приём платежей, заблокировали одномоментно — проблемы то ли с платёжной системой, то ли с администрированием доменов, которые слишком часто мелькали в жалобах пользователей. А программист, которого он нанял для обслуживания всей этой инфраструктуры, воспользовался моментом хаоса и попросту кинул его — увёл остатки на серверных кошельках себе, растворился в цифровом пространстве без следа.

Димон остался практически ни с чем. Все деньги, которые у него были, находились в обороте — он как раз готовился масштабировать схему, вложился в новую партию рекламы, в расширение штата модераторов, которые вели переписку с клиентами под разными аккаунтами. И вот в один момент — пустота. Ни бизнеса, ни доступа к нему, ни денег.

Пару месяцев он сидел практически без дела, отходя от удара, зависая на тех же тёмных форумах, где когда-то познавал азы своей теневой профессии. И именно там, спустя примерно два-три месяца после краха, ему написал незнакомый пользователь — по нику, судя по всему, тоже из тех кругов, но занимавшийся уже совсем другим уровнем игры.

Предложение звучало заманчиво, обёрнутое в красивую упаковку: встать лицом

нового криптовалютного продукта. Официально — инновационная финансовая платформа, революция в мире инвестиций, с собственной криптовалютой, с обещаниями баснословных процентов доходности для тех, кто зайдёт первым и приведёт новых участников.

Димон, с его опытом социальной инженерии, распознал схему в первые же минуты разговора. Классическая финансовая пирамида, только упакованная в модную обёртку блокчейна и криптовалюты, которая тогда была на пике общественного интереса, а значит, идеально подходила для маскировки. Он прекрасно понимал механику: деньги новых участников идут на выплаты старым, создавая иллюзию доходности, пока приток новых денег не иссякнет, и вся конструкция не рухнет разом, погребая под собой большинство вовлечённых.

Понимание этого не остановило его ни на секунду. Жажда лёгких денег, которая уже однажды доказала свою силу над здравым смыслом, снова взяла верх. Он согласился.

Дальше его жизнь понеслась с той скоростью и в тех декорациях, которые больше подошли бы голливудскому фильму про Уолл-стрит, чем реальной жизни парня из провинциального городка.

Роль, которую ему отвели, была ролью лица проекта — не создателя схемы, не её архитектора, а харизматичного представителя, того, кто убеждает, вербует, зажигает толпу энтузиазмом. И здесь ему пригодилось то, о чём он раньше и не подозревал в себе, — актёрский талант. Он умел притворяться настолько убедительно, что даже сам иногда путал, где заканчивается роль и начинается он сам.

Девушки появились почти сразу — те, что липнут к деньгам и к успешному образу, которых в его окружении было предостаточно. Машину он менял стремительно: сначала на новый «Мерседес», а спустя ещё немного времени — на «Мазерати», о котором ещё год назад и мечтать не смел. Весь этот подъём занял примерно полгода.

Работать в привычном смысле ему практически не приходилось. Единственной обязанностью были поездки по разным странам и городам на конференции, посвящённые криптовалютам и инвестициям, где он «светил лицом» — выступал перед залами, полными людей, жаждущих быстрого обогащения, рассказывал вдохновляющие истории успеха, часть из которых была правдой, а часть — красиво придуманным продолжением. Носил дорогие итальянские рубашки, увесистую золотую цепь на шее, часы известного швейцарского бренда, которые сами по себе стоили больше, чем его родители зарабатывали за несколько лет.

Каждый из этих предметов был для него доказательством, что он выбрался, что он не тот пацан из городка с элеватором и вонючим озером, а кто-то другой, кто-то значимый.

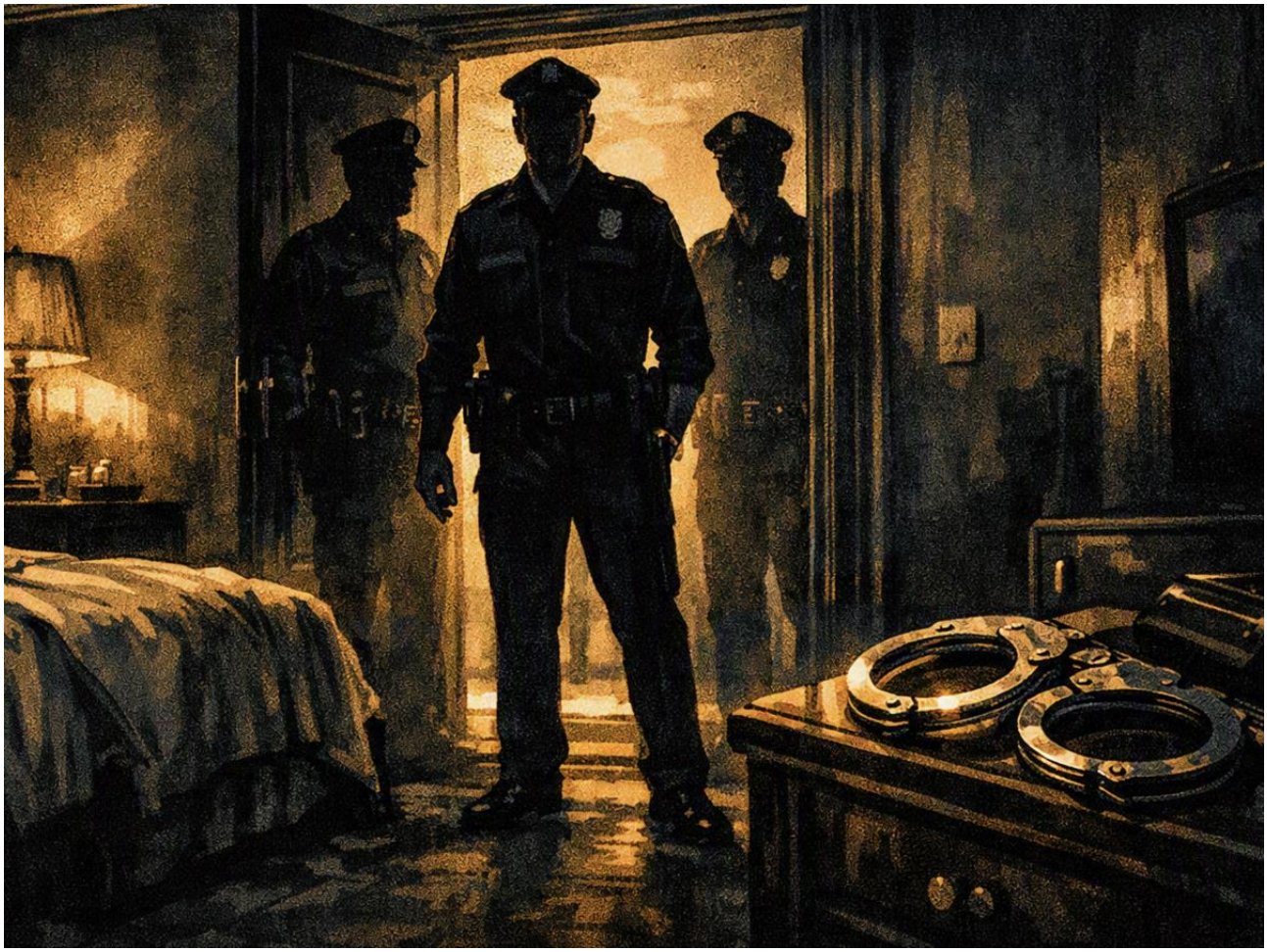
Он рассказывал позже, уже в другой жизни, своей девушке, что если бы у него спросили, повторил бы он этот путь снова, зная, чем он закончится, — он бы ответил да. Потому что это было весело, азартно, потому что он физически не мог бы жить обычную размеренную жизнь, вроде той, что вёл Серый со своим сварочным аппаратом и построенным своими руками домом. Ему нужен был драйв, чувство, что вся вселенная крутится вокруг него.

Но у всякого веселья, оплаченного чужими деньгами и чужими слезами, есть срок годности. И этот срок неумолимо приближался, хотя в момент своего пика Димон об этом даже не думал — слишком опьяняющим было ощущение силы, слишком убедительной казалась собственная неуязвимость.

ГЛАВА 9. ПАДЕНИЕ

Это утро ничем не отличалось от десятков предыдущих. Дорогой номер отеля, где он остановился по пути с очередной конференции, тяжёлая после вчерашнего фуршета голова, запах чужих дорогих духов на подушке рядом.

Открыв глаза, он не сразу понял, что происходит. В комнате было слишком много людей для утра после вечеринки — и одеты они были не так, как одеваются гости после вечеринки. Форма, жетоны, короткие, отрывистые фразы на непонятном ему поначалу от заспанности языке, который через секунду сложился в смысл: ордер на арест.



Дальше всё смешалось в один плотный ком времени: наручники, холодившие запястья своей чужеродной, металлической тяжестью, взгляды случайных постояльцев отеля из дверных проёмов, шёпот, машина без опознавательных знаков, в которую его затолкали, не особо церемонясь.

Он представлялся все эти месяцы и годы вымышленным именем в структуре пирамиды — лицом бренда, а не его архитектором. Проблема оказалась в том, что это лишало его любых рычагов торга со следствием. Он действительно не знал реальных имён тех, кто стоял у истоков схемы, не знал, куда выводились основные потоки денег, — его использовали именно потому, что он был красивой витриной, за которой ничего не разглядеть, витриной, которую не жалко было в любой момент сдать следствию как единственного видимого виновника.

Деньги, которыми он так эффектно сорил последние полгода, все были на криптокошельках, которые к моменту ареста оказались пусты — выведены заранее теми, кто держал реальный контроль над схемой, теми, кто, вероятно, уже был предупреждён о готовящихся обысках и успел раствориться. У Димона на балансе к моменту задержания было плюсовое имущество — та самая квартира, которую он купил в дорогом районе, «Мазерати», несколько единиц техники и украшений. Всё это изъяли в первые же дни, оставив его буквально с пустыми карманами.

Он остался, что называется, с дыркой от бублика. Человек, который ещё вчера мерил свою жизнь конференциями и золотыми цепями, оказался без гроша, без адвоката, которого мог бы себе позволить, без единого человека из бывшего окружения, готового вписаться и помочь.

Судебный процесс тянулся мучительно долго — почти полтора года в изоляторе, ожидая приговора. Отчасти это было связано с общей загруженностью следственных органов, отчасти с политическими событиями, происходившими в тот период, из-за которых до его дела попросту не доходили руки достаточно быстро.

Когда время суда всё же настало, приговор прозвучал холодно и однозначно: шесть лет. Самые долгие шесть лет в его жизни, как он потом сам говорил, вспоминая об этом периоде.

Тюрьма отняла у него всё, что можно было отнять физически. По итогам всех разбирательств и исков от пострадавших он остался должен больше, чем когда-либо имел. Репутация, статус, свобода — всё было стёрто одним росчерком судейского пера.

Первые месяцы за решёткой он провёл в состоянии, близком к оцепенению. Пустота — вот, пожалуй, самое точное слово для того, что он чувствовал. Вся яркость, весь драйв, вся иллюзия собственной значимости, которую он культивировал последние годы, сжалась до размеров тюремной камеры, до звука шагов конвоя по бетонному коридору, до запаха хлорки и сырости, который въедался в одежду, в кожу, в мысли.

Именно в этой пустоте он начал искать хоть какую-то опору. Начал, как он сам это называл, «верить в бога, что ли» — не в каком-то глубоком религиозном порыве, а скорее как в единственный доступный способ структурировать бессмысленное, пустое время заключения. Молился, замаливал грехи, не спеша отбывал свой срок, читая всё, что попадалось под руку в тюремной библиотеке — от Библии до случайных детективов, оставленных предыдущими сидельцами.

Вышел он на свободу другим — не в смысле духовного перерождения, о котором любят рассказывать в фильмах, а просто более потрёпанным, более осторожным, лишённым той бесшабашной уверенности, с которой когда-то входил на сцены криптоконференций.

Работу пришлось искать заново, с нуля, и с судимостью за мошенничество в биографии выбор был невелик. Пришлось поработать и строителем, и каменщиком — тяжёлый физический труд, который раньше он бы даже не рассматривал, считая его уделом тех, кто «не сумел устроиться получше».

В итоге его прежний опыт всё же пригодился — не в криминальном смысле, а в

самом что ни на есть законном: устроился продавцом в автосалон. Навыки социальной инженерии, умение расположить к себе человека за считаные минуты разговора, которые когда-то он использовал для обмана, теперь работали на легальные продажи. Зарабатывал он немного — найти нормальную работу с такой репутацией и судимостью было отдельным испытанием, тем более что в родном городе слишком многие помнили его как человека, из-за которого потеряли деньги, и репутация тянулась за ним хвостом ещё долгие годы после освобождения.

ГЛАВА 10. КРУГ ЗАМКНУЛСЯ

Прошло больше двадцати лет с того вечера у озера, когда трое пацанов прикладывали кулаки друг к другу и клялись в вечной дружбе, ещё не подозревая, куда их разведут собственные решения.

Инициатором встречи выступил, как ни странно, Серый. Он никогда не был человеком, который любит ворошить прошлое ради самого процесса, но чувствовал: пора закрыть этот круг.

Через общих знакомых, которых в маленьком городе всегда хватает, он нашёл контакты обоих. Написал коротко, без пафоса: «Двадцать лет прошло. Может, соберёмся, посидим по-простому». Оба ответили — не сразу, каждый со своей задержкой, но ответили согласием.

Встретились в самом обычном кафе на окраине городка — не в каком-то шикарном ресторане, просто в месте, где можно было спокойно поговорить, не привлекая лишнего внимания.

Санёк пришёл первым. Уже не тот жилистый мальчишка с царапиной на скуле, а мужчина за сорок, обветренный, с сединой на висках, всё ещё крепкий физически — годы турников и разъездов не прошли даром для его тела, хотя в глазах читалась усталость, которой раньше не было. Он всё-таки нашёл своё место — управляющий небольшим отелем, работа, которая позволяла ему постоянно быть среди новых

людей, новых историй, того самого драйва, который он искал всю жизнь, но уже без прежних крайностей. Путь к этому был долгим и болезненным: годы, потерянные в запое после разочарований юности, украденный по глупости металл, за который его с позором уволили с очередной случайной работы. Но родные и старые знакомые в какой-то момент вытянули его из этой ямы, и ближе к тридцати он начал по-настоящему вставать на ноги.

Димон пришёл на десять минут позже, чуть сутулясь, одетый скромно, без единого намёка на золото или брендовые вещи, которые когда-то были неотъемлемой частью его образа. Взгляд у него был другой — не потухший, но какой-то более трезвый, приземлённый, лишённый того лихорадочного блеска, что горел в нём в годы криптопирамиды.

Серый встретил обоих сдержанно, как встречал всегда, — крепким рукопожатием, без лишних объятий. Заказали по чашке кофе, кто-то взял чай, разговор поначалу шёл скованно, с длинными паузами, будто три человека заново учились разговаривать друг с другом после стольких лет молчания.

Постепенно лёд сходил. Начали вспоминать детство — тот самый салют, разбитый фонарь, драный лес с браконьерами, историю с сигаретами, которую Санёк наконец узнал во всех подробностях и от души извинился, хоть и с большим опозданием.

— А помните тайну про металл? — спросил вдруг Санёк, усмехаясь. — Хорёк тогда всех сдал.

— Он до сих пор в городе, — заметил Серый спокойно. — Автомойку держит.

— Видел его пару раз, — кивнул Димон. — Странно, да? Мы столько всего пережили, а он просто моет тачки и живёт себе.

Разговор постепенно сместился к тому, что каждый из них пережил за эти двадцать с лишним лет. Без прикрас, без желания приукрасить или разжалобить друг друга. Просто факты, как они были.

Димон рассказывал о своём пути спокойно, почти отстранённо, будто говорил не о собственной жизни, а о ком-то постороннем. Про фейковые магазины, про два года в поддержке казино, про наркошоп, построенный на доверии, про «Мазерати» и цепи, про арест, про полтора года ожидания суда и шесть лет за решёткой. Про пустоту, которая накрыла его там, и про то, как он, выйдя, заново собирал себя с нуля, укладывая кирпичи и продавая машины в автосалоне.

— Не жалею, — сказал он в какой-то момент, глядя в чашку с остывающим кофе. — Странно звучит, наверное. Но если бы спросили меня тогда, в моменте, повторил бы — сказал бы да. Драйва такого больше в жизни не было. Хотя цену я заплатил соответствующую.

Санёк слушал, кивая, — он-то, в отличие от Серого, застал часть этого пути своими глазами, столкнувшись с теми же людьми из пирамиды ещё во время своего путешествия по миру. Про свою жизнь он рассказывал ярче, эмоциональнее — про боулинг и голую задницу на всю округу, про разбитую гитару бомжа, про позор с разводом на аккаунт и приезд бандитов из девяностых, про казино в оазисе, про восемь месяцев автостопом почти без денег до Японии.

— А я вот так, буднично, — сказал наконец Серый, когда очередь дошла до него. Рассказал коротко, без прикрас: училище, вахты, стройка своими руками, жена, дети, бизнес по металлу. Отказ от той самой мутной схемы, которую ему когда-то предлагали.

— Скучновато звучит на фоне ваших историй, — добавил он с лёгкой усмешкой, без всякой обиды в голосе.

— Скучновато, — согласился Димон, — но у тебя дом стоит. И семья есть. И ты не сидел ни дня. У меня из всего этого — ничего.

Повисла тишина. Без зависти, без превосходства — просто трезвая констатация того, куда завели их разные дороги, начавшиеся с одной и той же точки на спортивной площадке провинциального городка.

Санёк первым нарушил молчание:

— Знаете, я вот думаю иногда. Если бы тогда, у озера, знать, чем всё закончится — что бы изменилось?

— Ничего, — ответил Серый без колебаний. — Ты бы всё равно на крышу боулинга полез. Ты бы всё равно в пирамиду вписался, — кивнул он в сторону Димона. — А я бы всё равно варил свои швы. Мы такие, какие есть. Знание не меняет человека. Меняет только то, что он сам решает делать дальше.

Никто не спорил.

Они просидели в том кафе почти три часа, разговор то затухал, то разгорался снова, вспоминались всё новые детали из детства, из юности, из тех далёких лет, когда все трое были ещё просто пацанами с одинаковым будущим впереди.

Расходились уже в темноте. Не обещали друг другу видеться чаще, не давали новых клятв на кулаках — они уже давно не были детьми, чтобы верить в силу таких обещаний. Просто пожали руки на прощание, каждый зная, что дорога впереди у каждого своя.

Колода была одна на всех, розданная в один и тот же вечер у одного и того же озера. Козырей в ней не было — не было карты, которая гарантированно бьёт любую другую. Каждый играл теми картами, что пришли, так, как умел, так, как считал нужным.

Десять лет. Маленький провинциальный
городок и три пацана, которые делили
одни на всех мечты о будущем.
Прошли годы, и реальность оказалась
куда жестче любых детских фантазий.

Один шагнул в мир больших денег,
риска и темных схем. Второй увяз
в разрушающих привычках и поиске себя
на самом дне. Третий выбрал самый
прямой, но тяжелый путь упорного труда
вдалеке от дома. Их дороги разошлись
на десятки лет.

Спустя время они снова сидят
за одним столом. Им есть о чем
помолчать. Но чтобы понять, какой ценой
каждый из них заплатил за свой выбор
и кем они стали в итоге, придется
открыть первую страницу.